

22 Вместе с тем, хотя конфликтные экономические интересы отсутствуют, могут обнаружиться проблемы психологической адаптации к децентрализованной, рыночной экономике, поскольку и армия и полиция являются иерархическими, многоступенчатыми организациями, и централизованное планирование может казаться их людям более „естественным“.

23 В Судане переориентация на рыночную экономику произошла без перемен на верхах власти.

О ГОРБАЧЕВЕ, ПЕРЕСТРОЙКЕ И ИТАЛЬЯНСКОЙ КОМПАРТИИ

(беседа английского политолога Джорджа Урбана
с депутатом итальянского парламента и заведомом
международных отношений ИКП Джорджо Наполитано)

Урбан: Итальянский коммунизм, как мне кажется, снова переосмысливает себя. В последние пятнадцать лет ваша партия видит в КПСС и советской сверхдержаве угрозу либеральной демократии и особому характеру итальянского коммунизма. Вы говорили, что если советская система сокрушит западную Европу, это будет означать конец подлинной демократии. Итальянские коммунисты особенно опасались, и для этого были очень веские основания, что печальная судьба постигнет еретиков — еврокоммунистов не только в Риме, но и в других местах.

Уничтожение Лениным и Сталиным меньшевиков и социальных революционеров было первым предупреждением; моряков в Кронштадте, социал-демократов Центральной Европы, Имре Надя, Александра Дубчека постигла не лучшая участь. По-видимому, только страны свободного предпринимательства являются безопасной средой для развития коммунизма. Верно ли это и ныне, при Горбачеве?

Наполитано: Мы считаем, что есть разница между внешней политикой СССР при Брежнев и той, которую мы наблюдаем при Горбачеве. Было бы, однако, преждевременным делать вывод, что Запад больше не нуждается в обороне и обеспечении

своей безопасности, что Организация варшавского договора и НАТО исчезнут сами по себе за ненадобностью. Мы убеждены, что западноевропейские страны и США должны сохранить НАТО и обеспечить военное равновесие с советским блоком. В то же время мы убеждены, что Запад должен использовать любую возможность, чтобы достигнуть с Москвой соглашения о сокращении вооружений и контроле над вооружениями, об укреплении взаимного доверия и взаимной безопасности.

В 70-е годы СССР воспользовался пассивностью Америки, чтобы распространить свое влияние и военное присутствие в третьем мире. Он развернул огромную программу усиления своей военной мощи. Кульминационной точкой этого процесса стало советское вторжение в Афганистан. Однако после смерти Брежнева и вывода из состава руководства главных поборников политики экспансии в СССР при Горбачеве началась серьезная переоценка ряда аспектов внутренней и внешней политики. Несомненно, нынешнее советское руководство более готово к компромиссам, нежели прежнее, и если учесть (а мы обязаны это сделать) психологический фактор как один из факторов международных отношений, то следует признать, что международная атмосфера в чем-то действительно изменилась к лучшему.

— То, что вы сказали, почти полностью совпадает с заявлениями консервативных правительств — Великобритании, ФРГ и Франции. Это значит, что вы, коммунисты, рассматриваете интересы партии как неотделимую часть „интересов государства“ в его традиционном понимании?

— Мы заинтересованы в более благоприятном международном климате, но без ущерба независимости и демократическим ценностям стран Западной Европы. Обеспечивая их сохранение, мы тем самым защищаем и национальные интересы Италии.

— Вы назвали советское продвижение в страны третьего мира в 70-е годы „экспансионизмом“. Я несколько удивлен такой характеристикой, поскольку склонен думать, что даже

такая реформистская коммунистическая партия, как ваша, все же будет придерживаться мнения, что распространение влияния и присутствия советской державы в новых регионах мира означает включение этих областей в исторически неизбежную и „прогрессивную“ сферу „социализма“ — со всеми предполагаемыми улучшениями, которые с собой приносит социализм: большие свободы, более справедливую экономику, более высокую культуру, интернациональную солидарность и т. п. Вы, я вижу, не согласны, что ...

— Нет, мы не согласны с этим и мы не делали подобных заявлений уже десять лет, хотя в прошлом наша партия пользовалась таким языком. Я хочу в этой связи сказать следующее: в иной ситуации, на прежнем этапе эволюции нашей партии как одной из компартий Западной Европы мы отождествляли внешнюю политику Москвы с миром, социализмом, с помощью национально-освободительным движениям в третьем мире. Мы и сейчас считаем, что в окончательном поражении колониализма СССР играет положительную роль, содействуя освободительной борьбе народов колоний.

— в сотрудничестве, как мы можем добавить, с американцами, которые, будучи сами деколонизаторами, горели желанием разбить британскую, французскую, голландскую и португальскую империю —

— Да, во многих отношениях в годы войны и в течение нескольких послевоенных лет СССР и США сотрудничали. Мы долгое время не видели, что державные интересы СССР и интересы мирового социалистического движения не совпадают. Мы верили, что внешняя политика СССР формулировалась таким образом, чтобы одновременно защищать безопасность советского государства и поддерживать борьбу за национальное освобождение и социализм во всем мире. Однако постепенно мы начали сознавать (и в этом нам помог смелый анализ Энрико Берлингуэра), что СССР, став сверхдержавой, рассматривает себя как державу, находящуюся в глобальной конфронтации с другой сверхдержавой, и стремится к максимальному расширению

своего влияния в мире. Мы начали понимать, что конфликт между США и СССР развивается по собственной логике, ничего общего не имеющей с социализмом. Стремление экспортировать советскую модель социализма и реализовать ее в неподходящих условиях мы рассматриваем как абсурдное и вредное для социализма.

— *Таким образом, знак равенства между советской моделью социализма и подлинным социализмом потерял для вас силу закона?*

— Мы отказались от такого сопоставления. В то же время мы продолжали считать, что некоторые предложения СССР на международной арене являются полезными и способствуют разрядке напряженности. Американско-советские переговоры о ликвидации ядерных ракет средней и меньшей дальности, которые завершились в 1987 г., — один из примеров полезных инициатив. Что предложение нулевого варианта на самом деле является американским, для нас не столь важно, как результат — заключение договора о ликвидации двух классов вооружения.

— *Натта и его коллеги встретились в Москве с Горбачевым. Как советские руководители ранее реагировали на то, что вы перестали отождествлять подлинный социализм с советской моделью социализма, и как они относятся к этому в настоящее время?*

— О, они долгое время относились к этому резко отрицательно. Конфликтность наших отношений с КПСС уменьшилась лишь после того, как Горбачев укрепил свои позиции. Во второй половине 70-х и в первой половине 80-х годов советская компартия идеологически была к нам враждебна. Советская печать регулярно делала выпады в наш адрес, и отношения между обеими партиями были фактически заморожены. Оттепель началась после того, как Горбачев — по собственной инициативе — признал, что каждая коммунистическая партия имеет право на свое понимание и определение социализма и стратегии, которой она намерена руководствоваться. Итальянская коммунистичес-

кая партия давно уже не считает себя частью международного коммунистического движения, поскольку мы не признаем наличия такого движения. Однако мы говорим: давайте на основе взаимного уважения обсудим конкретные политические проблемы и увидим, существует ли возможность достижения согласия по тем или иным вопросам.

— *После XXVII съезда КПСС в марте 1987 г. итальянский коммунист Альберто Джаковелло писал на страницах газеты „Република“, что ваша партия полностью поддерживает линию Горбачева и восстанавливает тесные контакты с КПСС, но с некоторыми оговорками. „В прошлом, — писал он, — наши контакты с КПСС были тесными, какую бы позицию она ни занимала; теперь же мы делаем различие между генеральным секретарем, провозгласившим новую политику, и теми силами внутри КПСС, которые этой политике сопротивляются“. Отражает ли это точку зрения вашей партии?*

— Да, это точное определение. Мы — независимая партия. Для нас важно, разделяет ли политическая партия — в Италии или в другой стране — наши убеждения. Поскольку теперь большинство в советском руководстве признает кризис советской модели социализма и вступило на путь радикальных реформ, мы такое руководство поддерживаем. Но это не значит, что мы даем КПСС или какой-либо группировке в КПСС карт-бланш.

— *Итальянский историк-коммунист — Паоло Сприано — писал накануне XXVII съезда КПСС („Унита“, 16 января 1987 г.), что ИКП усматривает связь между отсутствием свободы и демократии в советской системе и экономическим разорением, бюрократией, застоєм и взяточничеством, „против которых сегодня так резко выступает Горбачев и поддерживающая его группа“. Необходимо откровенно сказать, — продолжает он, — что только подлинная политическая демократия в СССР (это относится и к другим странам Востока — от Чехословакии до Китая) будет представлять собой качественный скачок, историческое новшество, развитие социализма“.*

Совпадает ли этот взгляд с мнением вашей партии?

— Сприано — член нашего ЦК. Но это не означает, что все его высказывания отражают партийную политику. Однако в данном случае приведенные вами высказывания выражают точку зрения нашей партии и мою собственную.

— Чуть дальше, в той же статье, Сприано говорит, что „однопартийная система является главным препятствием на пути демократизации, тем более, что эта единственная партия пострадала от репрессий и находится в упадке. На это более 30 лет назад обратил внимание Тольятти”.

Можно ли из этого заявления сделать вывод, что ваша партия находится в оппозиции к существующей в СССР однопартийной системе?

— Мы предпочли бы плюралистическую систему как в СССР, так и в странах Восточной Европы. Но не нам определять, какой вид плюрализма там должен быть. Горбачев как руководитель, должен осознать, что установление политического плюрализма — неотъемлемая часть реформ в СССР. На первом этапе реформ Горбачев ограничивался планом экономических перемен. Но он сам вскоре увидел, что экономические реформы не продвинулись вперед, если не признать наличия различных интересов в советском обществе и если не будут созданы условия, в которых эти интересы смогут быть свободно выражены. Советское общество не гомогенно по своей структуре; оно состоит из различных слоев, стремящихся заявить о себе и заинтересованных в том, чтобы закон защищал их интересы...

— Это находится в прямом противоречии с утверждениями коммунистов, что через 70 лет после революции таких противоречий уже не существует. Во время своего пребывания в США Татьяна Заславская отметила (27 августа, 1987 г.), что при исследовании „экономико-социологической структуры советского общества” она и ее сотрудники установили 75 (!) групп интересов. * Можно сказать, что советская действительность опровергла один из наиболее заботливо возвращенных официальных мифов.

* См. „Проблемы Восточной Европы” № 19—20, Н. Й. 1987 г. стр. 241—242. — Ред.

— Это верно. Но трудно сказать, когда и как советские коммунисты согласятся с идеей подлинного политического плюрализма. Но они, я думаю, начинают осознать, что в обществе и в культуре существует определенный плюрализм — и это уже прогресс.

— Некоторые из них (например, Федор Бурлацкий, один из ближайших советников Горбачева) призывают к „общественному плюрализму”, но это вряд ли означает нечто большее, нежели призыв к терпимости по отношению к разнообразию мнений внутри коммунистической партии.

— Сопrotивление политическим преобразованиям и экономическим реформам огромно, и противники таких изменений имеются не только среди бюрократии, глубоко заинтересованной в сохранении существующего положения, но и среди многих других слоев, представители которых привыкли к гарантированной работе, к низкой производительности труда, к минимальному контролю за качеством, к слабой дисциплине и к заработкам на стороне. Все они настороженно относятся к перестройке. К этому надо добавить и национальную традицию вялости и апатии.

— *Общественный договор, заключенный между гражданами СССР и советским государством, можно сформулировать так: „Вы нам платите мало — мы работаем мало. Вы платите плохо — мы работаем плохо. Но до тех пор, пока нам обеспечена работа — обеспечена и ваша власть.”*

— Вот этот-то договор Горбачев и хочет аннулировать. Советская политика уравниловки обостряет трудности советской системы, поскольку она препятствует более высокому вознаграждению за высоко квалифицированный и добросовестный труд.

— Пражская весна 1968 г. старалась освободиться от этого недостатка „социалистической” экономики советского типа —

— Да, и страшно подумать, какая трагедия постигла Чехословакию в результате вторжения советской армии в 1968 г. Многие руководители Чехословакии и интеллектуалы оказались в заключении только за то, что они были пионерами в выдвижении идей, на которых сейчас основывается официальная политика СССР. Это бесчестье, позор для СССР. И нет ничего удивительного, что Александр Дубчек во время визита Горбачева в Чехословакию (весной 1987 г.) и затем в 70-ю годовщину Октябрьской революции напомнил Кремлю о величайшей несправедливости по отношению к пражским реформаторам. Недавно (10 января 1988 г.) он снова откровенно выразил свое возмущение по этому поводу на страницах „Униты“.*

— *Намерена ли ваша партия добиваться полной политической свободы для стран Восточной Европы, даже если внутри советской сферы влияния это невозможно? Недавно, беседуя с корреспондентом „Эспрессо“, вы указали, что в случае удачи реформ Горбачева Советскому Союзу будет не трудно установить более гибкие отношения с восточноевропейскими „социалистическими“ странами, так как исчезнет „страх перед негативным влиянием нарушения баланса между двумя блоками“. Объясните, пожалуйста, подробнее, что вы имели в виду.*

— Мое мнение таково: новый этап разрядки в отношениях между Востоком и Западом будет способствовать расширению автономии восточноевропейских стран как во внутренней, так и во внешней политике, и Москва будет более терпимо относиться к такой автономной политике. Но, учитывая сорок лет социализма советского типа в Восточной Европе, трудно представить, что там вдруг восстановится многопартийная система.

— *Для вас было бы желательным наличие в этих странах нескольких действительно независимых политических партий? Горбачев, быть может, заигрывает с подобными идеями, но не говорит о них вслух. В выступлении перед руководителями „братских“ партий 4 ноября 1987 г. он говорил о „надменности*

* См. интервью Дубчека в этой книге „Проблем Восточной Европы“, стр. 237-260.

*всезнайки“, а в своей книге утверждает (хотя его объективность сомнительна), что после войны в Восточной Европе „возникли серьезные проблемы“: „... братские страны социализма во многом полагались на советский пример... Спекуляции насчет навязывания „советской модели“ искажают эту объективную необходимость того времени... Многие из опыта СССР перенимались без учета особенностей тех или других стран“.**

— Вы спрашиваете, считаем ли мы целесообразным возобновление многопартийной системы в восточноевропейских государствах? Я не исключаю такой возможности.

— *В беседе с членом ЦК вашей партии Лючио Ломбардо Радиче (1977 г.) я задал ему тот же вопрос. Я спросил его, предусматривает ли полная индивидуальная свобода (которую Радиче горячо защищал) различные политические программы, в том числе и такую, которая отвергает социализм? Радиче ответил: „Я не верю, что такое может случиться. Разве возможно, чтобы какая-либо часть населения захотела отказаться от социализма, вернуться от высшей формы общества к низшей?“ Он сказал тогда, что выдвинутая мной гипотеза невозможна.*

— Такова была его точка зрения в 1977 г. Мы верим в открытое общество и в свободные выборы. Мы стремимся к победе на выборах, используя для этого строго демократические средства, и мы выйдем из правительства, если потерпим на выборах поражение. Что касается восточноевропейских государств, то следует принять во внимание несколько сложных факторов. Во-первых, как я уже говорил, 40 лет представляют собой почти полный срок политической активности двух поколений. Люди, никогда не видевшие многопартийную систему в действии, могут счесть трудным и даже нежелательным воссоздание такой системы. Во-вторых, мы великолепно понимаем, как понимают это и западноевропейские правительства, и правительство США, что резкое изменение режимов в странах Восточной Европы

* Горбачев. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. Москва, ИПЛ, 1987 г., стр. 167.

или прямой вызов отношениям, установившимся между восточноевропейскими режимами и СССР, может привести к дестабилизации в Европе, а затем во всем мире.

— Существуют, однако, иные заслуживающие серьезного внимания аргументы: что именно отношения между Кремлем и зависимой от него Восточной Европой являются причиной нестабильности в этом регионе. Чехи, поляки и венгры, как показывает исторический опыт, не готовы смириться с закреплением их колониального статуса, и потому стабильность может быть достигнута лишь в результате принципиального изменения советской позиции. Сделанное Горбачевым в его книге „Перестройка...“ заявление можно рассматривать как симптом такого изменения.

— В некоторых восточноевропейских странах уже рушатся монолитные структуры. В Польше, например, власть разделена между партией и церковью. Обновление Сейма как политического института и ряд политических мер либерального характера свидетельствует о том, что правительство ПНР уже делает некоторые шаги в направлении к плюрализму, хотя, конечно, это плюрализм все еще весьма ограниченный. Венгрия, в свою очередь, осторожно порывает с избирательной системой, предусматривающей лишь одного кандидата, хотя и там партия все еще санкционирует выбор нескольких кандидатов. В Венгрии имеется существенная свобода в области культуры; там разрешены поездки за границу; верующие, в том числе исповедующие иудаизм, также пользуются довольно широкой свободой, и существует надежда, что проводимые в стране экономические реформы приведут к дальнейшей демократизации, к более широкому политическому плюрализму и к частичному отделению партии от государства. В ходе осуществления горбачевских реформ в СССР будет усиливаться нажим в странах Центральной и Восточной Европы с требованием перемен. В этом я не сомневаюсь.

* *
*

— Горбачев в своей книге „Перестройка“ не выходит за рамки высказываний Ломбардо Радиче 1977 г. Горбачев, правда, утверждает, что „всю систему политических отношений между странами социализма следует строить неукоснительно на основе полной самостоятельности“,* однако при этом он все же замечает, что „проблемы“, возникшие в Венгрии в 1956 г., в Чехословакии в 1968 г. и в Польше в 1956 и в начале 1980 г. были решены „различно“. При этом он (мягко говоря) с удовлетворением подчеркивает, что „ни в одной из стран социализма не произошло возврата к старым порядкам“.** Такое вульгарное искажение истории вряд ли нуждается в комментариях. Ведь Горбачев здесь совершенно четко и ясно говорит, что „демократизация“ и другие изменения в рамках „социализма“ будут поощряться и разрешаться, но переход от „социализма“ к другой системе невозможен.

Другими словами, заявление Горбачева следует понимать так: доктрина Брежнева будет применена опять, если, например, возникнет угроза, что Польша захочет оторваться от „социалистического“ сообщества. Чтобы не возникало никаких сомнений, Горбачев говорит о самостоятельности каждой коммунистической партии и о праве суверенно решать вопросы своей страны, о ее ответственности перед своим народом,*** но он ничего не говорит о независимости наций. По Горбачеву, граждане Восточной Европы могут получить определенную степень демократии только в рамках „социализма“.

— И все-таки это заявление Горбачева — существенный шаг вперед по сравнению с прежней линией СССР. Он публично признал неудовлетворительный характер отношений между Москвой и другими социалистическими государствами и призвал к изменениям в направлении обеспечения суверенитета и независимости стран Восточной Европы. Это очень важно. Горбачев, вероятно, осознал, что любые заявления о независимости, суверенитете и ответственности перед своим народом, даже

* Горбачев, указ. соч., стр. 170

** Там же, стр. 168

*** Там же, стр. 170

если это касается только партии, игра с огнем, которая может привести к возобновлению протестов в Восточной Европе. Заслуживает уважения, что он все-таки поднял эту чрезвычайно деликатную проблему, даже если, как вы говорите, он жестко нормировал правду о событиях 1956 и 1968 гг. У Горбачева сильная оппозиция. Вероятно, в данных условиях он не может идти дальше.

— Мне думается, что „финляндизация“ могла бы стать приемлемой альтернативой для народов Центральной и Восточной Европы. Вы думаете, Горбачев готов на это?

— Не знаю. Но мне кажется, что он рассуждает в терминах державной политики. Я сомневаюсь, что Горбачев согласится с „финляндизацией“ Восточной Европы. В 1956 г. реакция Москвы на венгерскую революцию могла быть, возможно, не столь насильственной. Возможно, венгерское членство в Организации Варшавского договора могло быть заменено двусторонним советско-венгерским договором о безопасности, который удовлетворил бы обе стороны. СССР поступил иначе. Финляндия никогда не входила в какой бы то ни было блок; у нее свои собственные соглашения о безопасности, которые работают хорошо. Другие государства могут следовать примеру Финляндии: обладать полной свободой внутри и одновременно быть надежным партнером СССР в вопросах безопасности. Но если бы это произошло, СССР, вероятно, считал бы, что произошло отступление от социализма, поскольку „финляндизация“ Восточной Европы может восприниматься именно так. Не думаю, что дело идет к этому. Отношения между Москвой и столицами стран Восточной Европы меняются. Это вытекает, в частности, из заявления Горбачева, что коммунистические партии в Восточной Европе ответственны только перед своими народами и ни перед кем другим.

— Когда имперская власть теряет волю к господству и начинает серьезно говорить о демократии, в империи активизируются центробежные тенденции. Так раскололись британская и французская империи. Ожидает ли такая же судьба советскую

империю? Трудно представить, чтобы польская или венгерская компартии в момент, когда они действительно будут ответственны только перед своими народами, а не перед хозяевами в Кремле, смогут остаться у власти и удержать свои страны в составе Варшавского договора. Не исключено, что „новое мышление“ Горбачева побудит многих задуматься и о том, о чем раньше они думать не смели.

— Я не могу согласиться с этим. Во многом внутреннее развитие Восточной Европы — результат действия внутренних сил в этих странах. Венгры приступили к проведению реформ в экономике и в культуре намного раньше других и продолжают их дольше всех. Румыны же, по-видимому, осуществляют сталинскую модель без какого-либо вмешательства Москвы. Чехи, на словах присоединившись к советскому типу реформ, решили идти в этом направлении медленно или вообще не двигаться с места, но никто не может сказать, что в настоящее время Москва вмешивается во внутренние дела Чехословакии и подталкивает ее в нужном СССР направлении.

— Но если „новое мышление“ Горбачева укрепит во всей Восточной Европе, то не настанет ли, в конце концов, совершенно новая ситуация — ликвидация „божественного права партии“ и установление „конституционного коммунизма“?

— Вероятно, настанет, но социализм от этого не пострадает. Это будет возвращением к демократической и гуманной сущности марксизма.

— Не опасаются ли итальянские коммунисты, что столь радикально изменившаяся ситуация может привести к „испарению социализма“ в Центральной и Восточной Европе?

— Нет, не опасаются.

— В соответствии с советским мышлением — и, как я уже отмечал, в соответствии с „новым мышлением“ Горбачева — „социалистические“ достижения должны быть сохранены.

— Мы не считаем, что это мнение должны разделять все страны, в том числе Италия. Не забывайте, что в марксистской теории диктатура пролетариата понимается как короткий переходный период до окончательной победы революции. Когда революция укрепляется, нет нужды в диктатуре. В СССР этот переходный период по многим причинам длится очень долго, однако ничто не мешает его теперь закончить. Разумеется, трудно представить, как устранить жесткую, косную диктатуру, господствующую вот уже 70 лет, и Горбачев, по-видимому, больше, чем кто-либо, мог бы нам рассказать о связанных с этим трудностях. Но перестройка — мужественный шаг в этом направлении, и мы надеемся, что она завершится успехом.

— *В коммунистической теории есть положение, которое весьма беспокоит меня. Я имею в виду убеждение, что партия и лишь одна-единственная партия является представителем подлинных интересов народа. Свободные выборы могут отражать волю большинства, но не всегда то, что истинно. Вы уже говорили, что не разделяете это положение, но что вы думаете относительно позиции Горбачева в этом вопросе?*

— Я не могу говорить от имени Горбачева, но мне думается, что он его не разделяет.

— *Однако в данный момент вы миритесь с господством одной партии в СССР, не правда ли?*

— Подходя реалистически, мы полагаем, что это господство сохранится и впредь.

— *Считаете ли вы, что Горбачев будет готов пойти на свободные выборы, если „переходному периоду“ настанет конец?*

— Думаю, что да... Горбачев вряд ли воспринимает такой выбор как дилемму. Он, вероятно, убежден, что народ в СССР при свободных выборах проявит единодушие и одобрит господство демократизированной коммунистической партии.

— *Проведенный недавно опрос мнения москвичей показал, что большинство не одобряет освобождения политических заключенных. И это показательно. Академик Сахаров назвал результаты этого опроса весьма удручающими.*

— Верно, но следует учитывать исторический контекст. Русская политическая культура и традиции весьма отличаются, скажем, от чешской политической культуры и традиций. Русские совершенно несведущи в сложностях многопартийной системы. Поэтому, независимо от того, нравится это вам или мне, власть одной партии, вероятно, приемлема для большинства русских. И есть основания предполагать, что свободные выборы утвердят реформированную коммунистическую партию как власть. Этого не произойдет, вероятно, в других социалистических странах, но в СССР такой исход реален. Есть еще одна причина, объясняющая, почему Горбачев может согласиться на проведение свободных выборов: через 70 лет после Октябрьской революции не так просто признать, что свободные выборы опасны и являются роскошью, которую партия не может себе позволить! Невозможно столько лет одурачивать самих себя утверждением, что партия права, независимо от того, что думают об этом граждане СССР. Горбачев не обманывается относительно того, что граждане СССР и он лично не имеют опыта демократии. Он заслуживает уважения за то, что откровенно и скромно признает необходимость демократизации и революционных перемен не только в экономике и в обществе, но и в сфере духовной жизни населения и внутрипартийных отношений. Недавно в письме читателя редакции „Московские новости“ был поставлен такой вопрос: „Как произошло, что через 70 лет после установления в нашей стране свободы и демократии мы должны идти в детский сад и учиться там демократии?“ Редактор ответил на это: „Да, мы должны воспитать себя для демократии“. Я считаю это мужественным признанием.

— *Экстраполируя кривую развития в СССР, мы можем прийти к выводу, что приближается момент, когда Горбачев вынужден будет приступить к ревизии некоторых самых устойчивых догм марксистско-ленинской теории. Его „новое мыш-*

ление" требует фундаментальной ревизии этой теории. И действительно ряд важных заявлений в выступлениях Горбачева и в его книге заслуживает похвалы, являясь новаторством, если не просто ересью. Не думаете ли вы, что пришло время собраться представителям всех коммунистических партий, чтобы выбросить из теории все фальшивые пророчества, все непригодные для практики установки?

— Мы, в итальянской компартии, считаем, что это давно нужно сделать. Мы занимались этим на наших прошлых двух или трех съездах. Из-за этого мы и расходились в столь многих вопросах с догорбачевской КПСС. Теперь же сама КПСС реалистически пересматривает некоторые старые мифы. Горбачев, а вместе с ним КПСС, перестали говорить о борьбе не на жизнь, а на смерть между социализмом и капитализмом. Так, например, в своей книге Горбачев подчеркивает, что марксисты-ленинцы привыкли верить: сама логика империализма неизбежно приводит к вооруженным столкновениям и революциям в капиталистических странах, и потому предсказывали третью мировую войну и поражение капитализма в мировом масштабе. Больше, однако, по словам Горбачева, они этого не делают. Термоядерный фактор превратил такого рода столкновения в слишком опасные для нашей планеты.

На XXVII съезде КПСС мы четко „развели“ тему революции и тему войны, исключив в новой редакции Программы нашей партии следующие две фразы: „В случае, если империалистические агрессоры все же осмелятся связать новую мировую войну, народы не будут больше терпеть строй, ввергающий их в опустошительные войны. Они сметут и похоронят империализм“. Это положение, допускавшее теоретически возможность новой мировой войны, было снято как несоответствующее реальностям ядерной эпохи.*

Более радикальных перемен вряд ли можно требовать...

* М. С. Горбачев, указ. соч. стр. 151

— ... подготовленных аналогичными высказываниями Хрущева и Брежнева...

— Да, но Горбачев говорит о мирном соревновании и о всестороннем глобальном сотрудничестве между двумя системами, и это является главным в его „новом мышлении“. Он даже подчеркивает, что известное изречение Хрущева „мы вас похороним“ на самом деле означает не то, что имеет в виду большинство на Западе.

Но Горбачев идет еще дальше. Он говорит нам, что в мире возникла новая угроза и новые проблемы — загрязнение окружающей среды, атомная энергия, вышедшие из под контроля региональные конфликты, голод, задолженность третьего мира, — все эти проблемы невозможно решить без сотрудничества всех стран. Добавьте к этому опасность, связанную с современной техникой, ростом населения, религиозным фанатизмом, особенно в мусульманском мире, и перед вами откроется безбрежное море насущных проблем, которые вряд ли кто-либо мог себе представить 50 лет назад. И уж тем более никто не вносил тогда предложений по поводу их решения.

— Почему бы не созвать международную конференцию типа Синода по характерным для новой эры вопросам и указать на все, что было ошибочным и устарело, поставить все на более реалистическую основу? Мне кажется, что итальянские коммунисты лучше других подготовлены к этому, поскольку они, не будучи правящей партией, обладают свободой, которой лишены партии, стоящие у власти. Судя по вашим высказываниям, итальянским коммунистам, вероятно, не трудно сделать простое и в то же время актуальное заявление: „В конце XX столетия мы больше не являемся тысячелетним движением. Мы больше не проповедуем насилие. Мы не верим, что существуют лишь однозначные ответы на все проблемы мира. Мы не верим в пролетарский интернационализм. Мы не верим в национализацию собственности. Мы не верим, что при капитализме усиливается обнищание рабочего класса; мы — одна из левых демократических партий, защищающих тех, кто не добился благополучия, и выдвигаем гуманную программу для своего народа“. Или что-то в этом роде.

— Создать международную конференцию очень трудно... Даже Социалистическому Интернационалу, объединяющему множество левых европейских партий, трудно теоретически обосновать и сформулировать выводы, которые были бы приемлемы для всех. Однако Итальянская коммунистическая партия занимается всеми этими вопросами на своих съездах и на различных культурных и теоретических форумах. В частности, мы давно изменили отношение к частной собственности. Мы считаем, что национализация всех средств производства не только не эффективна для создания прогрессивного общества, но ненужна и нежелательна. Мы отвергаем старую модель, рассматривавшую промышленный рост как самоцель. Раньше коммунисты действительно верили, что когда рабочий класс завоеует власть, когда будут обобществлены и переданы в руки государства средства производства, классовая борьба прекратится и исчезнут социальные конфликты. Сегодня эти выводы признаны ошибочными. В СССР и в Восточной Европе существуют антагонистические противоречия, к которым не подходит определение „классовые“. Мы отвергаем и эту теорию. Я мог бы зачитать целый список ошибочных прогнозов и надежд (и он был бы намного длиннее представленного мною выше), и показать вам, что в Западной Европе проводится, по крайней мере, теоретически, полный пересмотр учения.

— Можете ли вы представить себе советских коммунистов, пересматривающих теорию, пусть в совершенно иных обстоятельствах, в которых им приходится работать? Заявления таких людей, как Аганбегян, Шмелев, Заславская и другие показывают, что сегодняшний день, возможно, — канун радикальной перестройки советской коммунистической теории. Да и заявления самого Горбачева заставляют меня думать, что для него перестройка — не просто „латание дыр“, а урок „нового мышления“, которое следует распространить на все болезненные проблемы мира. Со стороны человека, пытающегося спасти „социалистическую“ систему от последствий ее собственных безумств, это вопиющее чванство, которое нет надобности комментировать. Горбачев упорно настаивает на этом, что доказывает уже само название его книги: „Перестройка: Новое мышление для

нашей страны и для всего мира“. В докладе на торжественном заседании ЦК КПСС и Верховного совета СССР 2 ноября 1987 г. Горбачев заявил: „Новое мышление с его общечеловеческими критериями, с ориентацией на разум и открытость начало прокладывать дорогу в мировых делах“. Трудно умереть утопии в коммунистическом мышлении!

— Я не верю, что в СССР созрели условия для выработки новой официальной программы. Еще недавно Горбачев предупреждал партию, что склероз в области теории, который начался 50 лет назад (не в годы Брежнева, а в 30-е годы), препятствует перестройке. Итальянская партия искренне верит, что этот склероз будет вылечен, и мы пристально наблюдаем за тем, как в СССР пересматривается сталинский период. Без этого не может быть реального обновления. Доклад Горбачева на торжествах по случаю 70-й годовщины революции затронул эту проблему лишь частично. Мы же подходим к действиям Горбачева прагматически. В его взглядах все еще имеется ряд неясностей. Мы эмпирически, снова и снова, должны оценивать его предложения. Запад не должен отвергать его инициативы на международной арене как пропагандистский трюк, но не следует и принимать их за чистую монету. На данном этапе, мы, итальянские коммунисты, положительно оцениваем такие факты как освобождение инакомыслящих, либерализацию печати, выражение общественного мнения, поскольку в результате всего этого возникают возможности для последующего давления с требованием более широких реформ. Мы убеждены, что происходящие перемены вызвали движение, которое будет очень трудно остановить.

— Но вы согласны со мной, что в его выступлениях на встрече руководителей „братских партий“ (4 ноября 1987 г.) Горбачев подошел довольно близко к тому, что ранее считалось ересью со стороны итальянской коммунистической партии, и подтвердил необходимость широкой ревизии коммунистической теории, на которой настаивает ваша партия?

„Так же, как не все положения Маркса и Энгельса могут быть догматически применены к эпохе империализма в начале

XX в., точно также постулаты 50-х и 60-х годов не пригодны для оценки современного мира..

Необходимо по-новому подойти к теоретическому наследию наших предшественников во имя социального освобождения человека..."

Чтобы рассеять сомнения, Горбачев призвал всех „социалистов и социал-демократов" и „всех тех, кто уважает достижения человеческого духа... сотрудничать и соединиться в поисках":

Такого рода заявления могли бы содержаться и в программе итальянской компартии, не правда ли?

— Да, могли бы. Темпы Горбачева впечатляют, как впечатляет и смелость (по советским меркам) некоторых его высказываний.

— *В интервью члена ЦК КПСС Вадима Загладина („Республика", 12 апреля 1986 г.) о некоторых теоретических формулировках, принятых в том же году на съезде ИКП, он сделал несколько замечаний, которые тогда меня насторожили. Так, например, его спросили, что он думает о позиции вашей партии, рассматривающей ИКП как интегральную часть европейских левых, а не как часть международного коммунистического движения. Загладин ответил:*

„... это нас не беспокоит. Существует коммунистическое движение, существует Социалистический Интернационал — короче, в Европе имеется левое и вовсе не гомогенное движение. В этом смысле мы, советские, считаем и себя интегральной частью европейской левой".

Вы согласны с таким определением роли КПСС?

— Абсолютно нет. Это есть злостное навязывание нам позиции советской партии. Загладин присутствовал на нашем съезде во Флоренции в 1986 г., и он должен был осознать, что, определяя ИКП как интегральную часть европейской левой, мы имели в виду — мы сформулировали этот пункт предельно точно — что речь идет о западноевропейской левой, а не левой всей Европы, включающей Центральную и Восточную Европу. Итальян-

ские коммунисты и социалисты, как и большинство коммунистических и социалистических партий Западной Европы, заинтересованы в хороших отношениях с правящими коммунистическими партиями в Центральной и Восточной Европе. Однако наше отношение к демократии и к гражданским свободам ничего общего не имеет с отношением правящих коммунистических партий в европейских странах советского типа. Существует целый ряд принципиальных исторических и теоретических различий между нашими представлениями об обществе и теми, которых придерживаются коммунистические партии в странах Восточной Европы. Мы, на Западе, определили свою стратегию в обществе свободного предпринимательства и либеральной парламентской демократии. Некоторые из нас, пусть не все, поддерживают НАТО как оборонный щит в разделенной Европе. Другими словами: нельзя игнорировать глубокие различия, отделяющие левые западноевропейские партии от коммунистических партий в Восточной Европе. Природа наших партий другая. Мы отвергаем декларированную Загладиным причастность КПСС к европейской левой.

— *Мне кажется, что слова Загладина можно трактовать иначе. Он как бы говорит: „Если итальянские коммунисты заявляют, что они часть европейской левой, то и мы тоже ее часть. Если же европейские социал-демократы относятся к европейской левой как к партнеру, которому можно доверять и с которым можно сотрудничать, то они должны так же относиться и к нам. Более того, итальянские коммунисты могут расчистить дорогу нашему присоединению к союзу левых как заслуживающего доверия партнера". По-моему, именно это на самом деле хотел сказать Загладин. Это соответствует призыву Горбачева к более широкому сотрудничеству всех левых сил для осуществления глобальной перестройки и создания своего рода „народного фронта" атомного века.*

— Я не думаю, что КПСС нуждается в плацдарме в Западной Европе. У КПСС есть прямые открытые связи со многими социалистическими и социал-демократическими партиями. Мы

не играем никакой роли в организации таких контактов и мы бы даже не согласились быть посредниками в них.

Народный фронт? Не думаю, что об этом идет речь. Советские руководители достаточно реалистичны, и потому сознают, что рабочий класс Западной Европы представляют прежде всего социалистические и социал-демократические партии. Коммунистические партии не имеют существенного влияния. Исключением является только итальянская компартия. Другими словами, нет основного слагаемого народного фронта типа 30-х годов. Коммунисты и социалисты сотрудничают друг с другом. Например, недавно это проявилось во Франции, причем большую выгоду от такого сотрудничества получили социалисты. В Италии? Я не вижу никаких перспектив для создания народного фронта. Наша партия занимает особое положение. Это многочисленная и влиятельная партия, с теоретической и практической программой, существенно отличающейся от программ других коммунистических партий. В зависимости от ситуации, мы можем вступать в блок с социалистами и небольшими прогрессивными партиями, но мы не намерены создавать народный фронт.

— *Вы слишком буквально поняли мое замечание о народном фронте. Я имел в виду нечто иное: СССР весьма заинтересован в обострении недоверия между США и Западной Европой. Раскол между ними продолжает быть целью советской политики, независимо от того, кто находится там у власти, — Горбачев или кто-либо другой. Некоторые наиболее активные проводники политики недоверия к США и антиамериканских настроений входят в руководство западноевропейских партий и организаций, которые вы называете прогрессивными, в том числе и в руководство вашей партии. Представители национальных меньшинств, гомосексуалистов, самых различных „автономных“ организаций, „борцов за мир“, внепарламентской оппозиции, некоторых профсоюзов, движения теологии освобождения и т. п. приобрели большое влияние в западных средствах массовой информации. Руководство вашей партии придает большее политическое значение их артикулированному протесту, чем другие политические силы на Западе. Именно поэтому я пришел*

к заключению, что советское руководство, может быть, заинтересовано в использовании итальянской коммунистической партии, что, поощряя антиамериканские настроения, итальянские коммунисты приобщатся к обоим лагерям. Для Западной Европы они будут частью западноевропейской левой, и одновременно, будут оставаться „нашими товарищами“; поскольку, в конце концов, они все же коммунисты.

— Если советские коммунисты действительно преследуют такие цели, то можно их заверить, что у них ничего не выйдет. Нами никто не будет пользоваться для достижения собственных целей. У нас свои задачи, свои цели и своя политическая стратегия. Более того, полагаясь на нас, КПСС будет стучаться не в те двери, потому что мы не являемся антиамериканской партией. В серьезнейшей дискуссии накануне съезда ИКП в 1986 г., да и на самом съезде мы совершенно четко определили нашу позицию по этому вопросу: мы понимаем опасения западноевропейского движения за мир; мы знаем, что существует страх перед ядерной конфронтацией на европейском континенте, но мы не всегда отождествляем нашу позицию с позицией участников движения за мир. Во-первых, потому что не являемся сторонниками одностороннего разоружения Италии или Западной Европы. Наоборот. Мы верим в контроль над вооружениями и достижение равновесия в области вооружений. Во-вторых, потому что мы не являемся сторонниками антиамериканской идеологии. Напротив, мы заинтересованы в расширении тесных контактов со всеми демократическими и прогрессивными силами в Америке и, в первую очередь, с прогрессивными силами в Конгрессе США.

Следует, однако, упомянуть еще один факт. Если в начале 80-х годов в Западной Европе проявлялись антиамериканские и антинатовские настроения, то ответственность за это несет нынешняя американская администрация. По ряду важных вопросов — не только в военной области — администрация Рейгана проводила политику, которая вызывала возражения во многих странах Западной Европы. Это была политика высоких процентных ставок, способствовавшая перемещению огромных капиталов из Европы в Америку; выгодного для США курса

доллара; политику раздутого государственного бюджета, дефицита торгового баланса и т. д. Таким образом, именно американская политика стимулировала антиамериканские настроения в Европе.

— Не думаете ли вы, что эти настроения в значительной степени были вызваны смягчением отношения ряда западноевропейских государств, особенно после прихода Горбачева к власти, к советской угрозе и оппозицией к рецидивам консервативной политики президента Рейгана?

— По всей вероятности, в Западной Европе яснее чем в США сознают, что СССР переживает серьезные трудности почти во всех сферах. Советский Союз отстает технически; экономика СССР в чрезвычайно бедственном положении; уровень военных расходов слишком высок; Афганистан — кровоточащая рана, и даже партия занята глубоким самоанализом. Европейцы, находясь ближе к СССР, понимают, как эта страна нуждается в длительной передышке.

— И нам следует предоставить ему такую передышку и помочь тем самым Горбачеву вывести СССР из кризиса даже в том случае, если укрепленная в результате такой передышки советская система станет в будущем еще большей угрозой для нас, нежели нынешняя советская империя?

— „Должны мы помогать Горбачеву или нет” — неверный подход к проблеме. Международные отношения строятся на взаимной выгоде, а не на благотворительности. Договоры между государствами всегда основываются на принципе взаимных уступок. Сокращение расходов на вооружение и уменьшение опасности военного столкновения соответствуют интересам как СССР, так и Запада. Взаимную безопасность можно обеспечить и при наличии меньшего, по сравнению с существующим, арсенала ядерных и обычных вооружений. Кодовое слово в этом вопросе — „достаточность”. Проблема контроля над вооружениями сейчас для европейской левой самая насущная. Мы не сможем выполнить наши политические и моральные обязательства

ва по отношению к недостаточно обеспеченным гражданам наших стран и стран третьего мира до тех пор, пока огромные средства затрачиваются на военные расходы. Поэтому мы так активно поддерживаем идею разоружения и разрядку международных отношений. Вопрос заключается не в том, помогать или не помогать Горбачеву, а в том, чтобы воспользоваться возможностями, которые возникли ныне, для более гуманной и разумной политики.

— Однако оппоненты такой точки зрения тоже выдвигают убедительный аргумент. „Перестройка” и личность Горбачева, говорят они, являются весьма опасной смесью. Если улучшится положение советской экономики, уменьшатся военные расходы, возрастет уровень жизни, укрепится ощущение определенной культурной и личной свободы, это не только не уменьшит советской угрозы, а напротив, усилит ее. Создается впечатление, что происходят фундаментальные перемены в советской системе, а на самом деле она остается все той же неприятной системой, даже если сможет накормить население и укрепить лояльность граждан. Горбачев и его сторонники стремятся не изменить систему, а сделать ее более привлекательной, и тем самым более сильной. Это не в интересах Запада, как не удовлетворил бы Запад отказ нацистской Германии от концентрационных лагерей и замена Гитлера более цивилизованным руководителем. Вас такие соображения не убеждают?

— Недавно на встрече с одним видным американцем я услышал от него совершенно иное мнение. Реформирующийся СССР, полагает он, будет представлять меньшую угрозу, так как в определенный момент перестроенная советская система перестанет быть советской. Что же касается замечания, что реформы придадут большую привлекательность советской системе, — я не думаю, что это произойдет в ближайшем будущем, несмотря на значительные перемены, о которых мы уже говорили. Я хочу предостеречь от подчеркивания различий между „фундаментальными” и „формальными” переменами, так как аккумуляция „формальных” перемен может придать им характер фундаментальных, причем даже небольшие и частичные улучшения в сос-

тоянии изменить жесткую репрессивную систему в такую, в условиях которой людям будет легче жить. В реальном мире такие оттенки очень важны. Частичная свобода информации лучше, нежели полное отсутствие такой свободы. Освобождение нескольких диссидентов лучше, чем если из тюрьмы не выпускают никого. Прекращение глушения некоторых западных радиостанций лучше, чем если бы продолжали глушить их всех. Для рядового жителя СССР жизнь становится менее трудной.

— *А вы хотели бы жить в реформированном Горбачевым СССР?*

— Нет, для меня и такие условия были бы неприемлемыми. Однако моя исходная точка зрения — плачевное состояние советского общества до Горбачева и надежды жителей СССР, а не итальянских граждан. В этом смысле наблюдается прогресс.

— *Ваша партия была, вероятно, первой компартией, призвавшей кризисное состояние коммунизма в мировом масштабе. От Китая до Анголы в мире нет ни одного коммунистического правительства, которое не находилось бы в затруднительном положении. Я думаю, что причины таких затруднений можно свести (по крайней мере, в нашей беседе) к двум главным: 1) насилие и принуждение, характерные как для захвата власти, так и для ее утверждения; 2) жесткий догматизм в управлении экономикой. Реформы Дэн Сяопина в Китае, Горбачева в СССР, различные югославские и венгерские попытки отойти от централизации и партийного контроля — все они сразу же ставят под угрозу коммунистическую доктрину. Дело не только в том, что коммунизм строили плохо, а в том, что марксизм и, прежде всего, ленинизм непригодны для человечества в канун XXI столетия. Достоинство Горбачева в том, что он это как будто чувствует, хотя и не решается сказать вслух. Быть может, нынешние трудности — это схватка перед родами новой, жизнеспособной коммунистической альтернативы?*

— Руководители нашей партии, критикуя советскую систему, часто заявляли, что вдохновляющая сила октябрьской

революции иссякла. Мышление и практика правящих коммунистических партий стали анахронизмом. Нужен совершенно новый стимул. Китайцы пересмотрели прошлое, и нам кажется, что так поступает и Горбачев. Мы надеемся, что проходящий в СССР процесс необратим, ибо в противоположном случае последствия будут исключительно тяжелыми.

— *Я обратил внимание, что в ходе московских переговоров в феврале 1986 г. Алессандро Натта и Джидано Карло Пайета с советскими руководителями возникла оживленная полемика по двум теоретическим вопросам: о замене „пролетарского интернационализма” итальянской концепцией „нового интернационализма” и об „авангардной” роли коммунистических партий в международном рабочем движении. Кажется, что Москва — пусть только на словах — уступила по первому пункту, но мне не совсем ясно, какой была договоренность насчет „авангарда”. В интервью „Унита” (9 февраля 1986 г.) представители КПСС настаивали на том, чтобы коммунистические партии называли себя „авангардом”, а Натта возражал, указывая, что во многих странах это не так.*

— „Авангардная роль” коммунистической партии — традиционное понятие в лексике так называемого международного коммунистического движения. Оно означало гегемонию коммунистической партии в движении рабочего класса и предусматривало руководящую роль компартии, утверждавшей, что она вооружена непогрешимой идеологией, которая приведет этот класс к победе. Мы, итальянские коммунисты, все это отвергли. Мы говорим, что наша партия — значимая сила в западноевропейской левой. Конечно, мы соревнуемся с другими левыми партиями и надеемся получить как можно больше голосов избирателей в результате воздействия наших аргументов и нашей деятельности. Но мы сотрудничаем с другими левыми партиями, так как заинтересованы в решении общих проблем. У нас нет абсолютно никакого желания руководить нашими партнерами по западноевропейской левой только потому, что мы, якобы, партия абсолютной правды или исторической необходимости.

— Но если сейчас, когда ветер истории дует не в ваши паруса и вы отказались от пролетарского интернационализма, чем тогда вы отличаетесь от других европейских социалистических партий? Разве существенная доля идеализма и утопия не являются отличительной чертой коммунистической идеологии и секретом ее успеха? Если бы я был молодым, восприимчивым итальянцем, я не голосовал бы за вас только потому, что вы обещаете улучшить здравоохранение и повысить жизненный уровень (этого может добиться и любая другая партия). Но, весьма возможно, я голосовал бы за вас в том случае, если бы вы требовали справедливости, даже если в борьбе за нее может погибнуть мир. Мне кажется, что коммунистическое движение — это либо секулярная религия, либо ничто.

— „Утопия”, возможно, слишком сильное слово, но я согласен, что мы и вообще все левые партии нуждаемся в перспективных идеалистических целях. Эти цели, однако, должны существенно отличаться от тех, которыми руководствовались наши политические родичи и деды. Мы считаем, что существованию человечества угрожает целый спектр опасностей, выходящих за границы государств и идеологий. Решение этих проблем требует глобального планирования и сотрудничества. К таким проблемам относится загрязнение окружающей среды, безответственная эксплуатация невозместимых природных ресурсов, разрыв в жизненном уровне между северным и южным полушарием, проблема потери индивидуальности и личной ответственности в технологическом обществе, проблема сосуществования различных политических систем и религий и т. д.

— Но во всей этой программе нет ничего специфически „коммунистического”. Взгляды католической церкви, например, не очень отличаются от ваших. Однако Горбачев, который в свой доклад по случаю 70-й годовщины Октября включил многое из „новости дня” итальянской компартии, все-таки утверждал при этом, что решение таких наднациональных проблем ни в коем случае не устраняет соревнования между „социализмом” и „капитализмом”. Если я понял вас правильно, вы такого мнения не придерживаетесь?

— Вы правы, говоря, что наша программа не очень отличается от программ других прогрессивных сил и в чем-то сходится с заявлениями католической церкви. Это лишь значит, что мы действительно пытаемся сотрудничать „с прогрессивными кругами — и секулярными, и религиозными”. Такое сотрудничество — не планы на будущее; оно уже осуществляется в нашей повседневной практике.

— Предположим, что КПСС реформируется в соответствии с итальянскими стандартами. При каких условиях Итальянская коммунистическая партия будет опять видеть в КПСС источник вдохновения и поддержки, как предлагал ведущий просоветский деятель вашей партии Армандо Коссута?

— Что бы Коссута ни говорил, мы ни при каких обстоятельствах не вернемся к временам, когда КПСС считалась образцом и когда связь между нашей партией и КПСС носила особый характер. Даже если реформы Горбачева завершатся успехом, мы сохраним наш идеологический и политический суверенитет. Наши отношения и впредь будут отношениями равных, не ограниченными идеологическими рамками или международными организациями. Для нас КПСС — одна из многих политических партий, с которыми мы поддерживаем дружественные отношения.

— В 70-е годы ваша партия стремилась к „историческому компромиссу” с христианскими демократами, надеясь добиться участия в правительстве. Этого не произошло, потому что кризис христианских демократов никогда не был серьезным, результаты ИКП на выборах никогда не были достаточно внушительными, а репутация вашей партии как независимой силы не внушала доверия, необходимого для того, чтобы „исторический компромисс” стал приемлемой для христианских демократов альтернативой. Смогут ли, по вашему мнению, реформы Горбачева и изменение представлений о советской системе привлечь на вашу сторону больше избирателей хотя бы потому, что ваша партия освободится от наносящего ей ущерб бремени — от репутации долговременного и преданного союзника советской системы?

— Я хочу надеяться, что наша пригодность для участия в управлении страной будет оцениваться на основе нашей программы и наших практических действий, а не по программе и действиям других партий. Советская система стала приближаться к тому, за что мы уже давно выступаем и что проводим на практике, и это не может нам повредить. Однако ИКП — не орудие СССР и не танцует под дудочку КПСС, и мы не хотим, чтобы нас таким образом воспринимали.

Владимир Кусин

ИНАКОМЫСЛИЕ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

I. НОВЫЕ ЗАДАЧИ

Прошло три года пребывания Горбачева на посту генерального секретаря ЦК КПСС, и уже очевидно, что реакция руководства стран Восточной Европы на его реформистское кредо весьма различна. А что происходит среди инакомыслящих в Восточной Европе? Изменили ли „перестройка” и „гласность” судьбы и деятельность протестующих, не согласных с властями и противостоящих им?

Инакомыслие в наступлении. Инакомыслие в Восточной Европе в 70-х-начале 80-х годов было преимущественно оборонительным: в Восточной Германии это были протесты против милитаризации жизни; в Польше — против роста цен и репрессий по отношению к рабочим; в Чехословакии — против преследований реформистов прошлых лет и нарушения прав человека вообще; в Венгрии — против свертывания реформ; в Румынии, среди шахтеров — против отмены социального обеспечения; а кроме того, в ГДР и Чехословакии — против размещения ядерных ракет. Режимы, напротив, наступали и яростно отстаивали закрепленные позиции.

Возникновение „Солидарности” в конце 70-х годов было первым принципиально новым явлением наступательного инакомыслия. С той поры, а особенно в связи с горбачевской критикой застоя, картина стала меняться. Похоже, начался период перехода инакомыслия в атаку: диссиденты в Восточной Германии призывают к „гласности”; в Чехословакии — к смене руководства и заслуживающим доверия реформам; в Польше — к